

У асобных беларускіх фразеалагізмах называюцца такія з'явы мінулага ці сучаснага жыцця Беларусі, якія не існуюць у іншых нацыянальных культурах. Напр.: *як на дзяды* са значэннямі 'выдагна, уволю (наесціся)' і 'вельмі многа (пра яду)' – водгалас памінальнага абраду (*дзяды*), калі гатавалі сем-дзесяць страў, а пасля вячэры не прыбіралі са стала: пакідалі нібыта для нябожчыкаў [4, с. 433].

У фразеалагізмах згадваюцца назвы рэаліі матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў, жывёльнага і расліннага свету Беларусі, імёны людзей і геаграфічных назваў і г.д. Напр.: *і у коле і у мяле* са значэннем 'у самых разнастайных жыццёвых сітуацыях', дзе *кола* – 'млынавое кола', а *мяла* – 'мялка, мяліца, на якой лён або няньку мнуць' [4, с. 180].

Тлумачэнне фразеалагізмаў праз апісанне іх нацыянальна-культурнай семантыкі павінна праводзіцца ў спецыяльных лінгвакраіназнаўчых слоўніках. Вызначэнне прынцыпаў рэпрэзентацыі моўных адзінак у такіх слоўніках паграбуе ўліку шэрага спецыфічных фактараў.

Па-першае, лінгвакраіназнаўчы слоўнік выкарыстоўваецца не толькі ў якасці нарматыўнага тлумачальнага даведніка, але і з'яўляецца вучэбным дапаможнікам, а таксама ў пэўнай ступені і энцыклапедычным выданнем папулярнага характара.

Па-другое, лінгвакраіназнаўчая рэпрэзентацыя моўных адзінак (у прыватнасці, фразеалагізмаў беларускай мовы) немагчыма без уліку таго, каму яна адрасавана: звесткі, добра знаёмыя носьбітам мовы, невядомы іншаземцу, таму лінгвакраіназнаўчыя слоўнікі прызначаны перш за ўсё апошнім. Але такія слоўнікі будуць вельмі карыснымі і для тых, хто вывучае беларускую мову як другую ва ўмовах руска-беларускага білінгвізму [3, с. 42].

Па-трэцяе, нацыянальна-культурную семантыку фразеалагічных адзінак беларускай мовы трэба апісваць не толькі ў сінхраніі (з пазіцыі сучаснай моўнай свядомасці), але і ў дыяхранічнай перспектыве (улічваючы гістарычны падыход).

Такім чынам, у працэсе міжкультурных зносін мова адыгрывае першаснае значэнне дзякуючы сваім функцыям камунікацыі і кумуляцыі. Лінгвакраіназнаўчае апісанне фразеалагічных адзінак беларускай мовы ў адпаведных слоўніках спрыяе паляпшэнню засваення беларускай культуры людзьмі, якія вывучаюць беларускую мову як замежную або як няродную. Лінгвакраіназнаўчая рэпрэзентацыя фразеалагізмаў беларускай мовы павінна праводзіцца на прынцыпах функцыянальнага і адраснага прызначэння, а таксама з улікам дыяхранічнага фактара.

Літаратура

1. Басава Г.І. Лінгвакраіназнаўчы падыход у прэзентацыі беларускай фразеалогіі замежным студэнтам // Роднае слова. – Мн., 2000. – № 5. – С. 34–35.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1990.
3. Іваноў Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраіназнаўчай рэпрэзентацыі: (На матэрыяле моўнай афарыстыкі) // Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я., Мягкоўская Н.Б. Сацыякультурная прастора мовы. – Мн., 1998. – С. 33–62.
4. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. – Мн., 2004.

Т.Г. Трофимович, Н.В. Полецук (Минск, Беларусь)

ВЫСШАЯ СИЛА В ЗЕРКАЛЕ СТАРОРУССКОЙ И СТАРОБЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

1. Известно, что старорусский и старобелорусский языки оформились как самостоятельные приблизительно к XIV в. Происхождение из одного источника, древнерусского языка, обусловило, с одной стороны, их сходство в лексике, фразеологии, грамматике, с другой стороны, сформировало существенные различия, обеспечившие

дивергентные процессы. Установлено, что старорусская и старобелорусская фразеология явления достаточно своеобразные.

2. Ко времени возникновения старорусского и старобелорусского языков в восточнославянских территориях христианство имело почти четырехсотлетнюю историю существования. Однако *Бог* был у древних восточных славян одним из представителей дохристианского пантеона, о чем свидетельствуют названия славянских богов: *Белобогъ Чернобогъ, Даждьбогъ, Стрибогъ* и др. В книжно-церковной традиции *Бог* представлен как высшая сущность, наделенная высшим разумом, он является абсолютным совершенством, о всемогущ [1, с. 48]. Слово *Бог* по происхождению восходит к древнеиндийскому *bhaga* «одаряющий, господин», родственные древнеперсидские, авестийские, древнегреческие слова находятся по значениям в русле понятий «наделяющий, дающий счастье, достояние участвующий» [2, т. 1, с. 181–182]. Старорусский и старобелорусский языки располагали большим количеством фразеологических единиц с компонентом *Бог* – в каждом из языков их более двух десятков. Концептуальная значимость высшей силы и ее имени имели здесь решающее значение.

3. Фразеологическими или фразеологизированными были сами названия высшей силы: старорусск. *Господь Бог, Бог всемогущий, Бог вышний (вышний), Христос истинный Бог наш* (СОРЯ, т. 1, с. 203), старобел. *Пань Богъ, Господь Богъ, Богъ праведный, Богъ вшехмогущий, Богъ вышний, Богъ милостивый, Богъ милосердый, Богъ милый* (Картотека ГСБМ). Как видим, актуализированными и эксплицированными при неоднословных наименованиях высшей силы являются понятия *высший, всемогущий, милостивый, милосердый, праведный, милостивый, милый*.

4. Многочисленными по своему составу являются фразеологические наименования глагольного типа. Глагольный компонент в них называет чаще всего действие, которое может совершать человек или сама высшая сила. Ср.: старорусск. *молить Бога, умолить Бога, молить у Бога, молиться Богу, славить Бога, хвалить Бога, бояться Бога, блюстись Богу, Бог положит, Бог даст, Бог принесет, Бог сошлет смерть* и др. (СОРЯ, т. 1, с. 203–206); старобел. *Бог взял, Бог обрал, Бог даст, Бог душу возьмет, к Богу пойти, отдати Богу душу, отдати духа Богу* и др. (Картотека ГСБМ).

Достаточно велико количество фразеологических единиц, в которых используются императивы для выражения просьб к высшей силе: старорусск. *дай Бог, сошли Бог, не дай Бог, суди Бог, благослови Бог, благовестуй Бог, помилуй Бог, сохрани Бог, спаси Бог, блюди Бог* (СОРЯ, т. 1, с. 205); старобел. *дай Бог, уховай Боже, поможи Бог* (Картотека ГСБМ).

5. Памятники старорусской и старобелорусской письменности, а вслед за ними и исторические словари фиксируют много идиоматических единиц с компонентом *Бог*: старорусск. *Богъ поимет, Богъ отведеть, Богъ отиметь – о чьей-либо смерти* (СлРЯ, т. 1, с. 255), *Бог ведает да государь, Бог принесет (кого к кому) – выражение радости, удовольствия; по чью душу Бог пошлет – о наступлении смерти*; старобел. *Бог с сего света забереть, Бог душу возьмет, пойти к Богу, отдати душу Богу* (Картотека ГСБМ).

В качестве устойчивой формулы использовался такой вопрос: *Как тебя (вас) Бог милует?* (вежливый вопрос о состоянии здоровья и дел кого-либо при встрече). Приведем текстовый пример. *Прикажи писать про свое многолетное здоровее как тебя Бог милует?* (МДБП, 25).

Устойчивые выражения с компонентом *Бог* в обоих сопоставляемых языках могли приближать к междометиям или становиться ими. Возникшие подобным образом единицы служили средством выражения эмоций: старорусск. *Бог вестъ, Боже мой, Бог с тобой, Бог помощь, с Богом* и др.; старобел. *с Богом, Бог вестъ* и др.

Таким образом, собранный нами фразеологический материал свидетельствует о том, что представления о высшей силе широко эксплицированы в старорусском и старобелорусском языке. В устойчивых выражениях отразились те свойства и функции Всевышнего, которыми наделило его сознание носителей этих языков. Очевидно, что языческие представления были заменены христианскими, именно поэтому используется компонент *Бог*.

6. Обращение к современным историческим словарям старорусского и старобелорусского языков позволяет обозначить ряд проблем теоретического и практического плана. До сих пор остается нерешенным вопрос об объеме фразеологии. Правда, появление первого тома «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.», а также существующие тома «Словаря русского языка XVIII в.» свидетельствует о том, что наметилась тенденция к широкой трактовке фразеологии, по крайней мере, исторической.

Проблемой лексикографической практики является маркировка фразеологических и фразеологизированных единиц. Традиционная помета в виде ромба, как выясняется, не отвечает современным представлениям об объеме фразеологии, не учитывает ее неоднородности. Новый способ маркировки применили авторы «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.»: ромбом помечаются идиомы, треугольником – фразеологизмы с мотивированным значением (терминология авторов словаря), знаком > – устойчивые словосочетания. Остается проверить жизнеспособность такой маркировки.

Условные сокращения

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв. – Т. 1. – СПб., 2004.

СлРЯ – Словарь русского языка XI – XVII вв. – Т. 1 – 26. – М., 1975 – 2003.

Картотека ГСБМ – Картотека «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы».

Литература

1. Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. – Мн., 2004.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1986. – Т. 1.

Л.В. Чернышова (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОДЕЖДЫ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

«Язык есть интерпретант всех семиотических систем» – это высказывание Эмиля Бенвениста содержит в себе идею о том, что, идя от языка, можно прийти к человеку, к его способам понимания мира [1, с. 85]. Фразеология особенно богатый материал для исследования человеческого фактора в языке, «поскольку в ней концептуальны не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [3, с. 8].

Антропоцентричность языка обусловлена принципом, сформулированным в древности Протагором, – человек – мера всех вещей. Исходя из этого принципа при рассмотрении пространственных номинаций, В.Г. Гак утверждает, что они образуют четыре концентрически расширяющихся круга: человек – дом – страна – мир [2, с. 127]. Человек ставит себя в центр мироздания и создает образ мира, являющегося гармоническим единством вещей и людей, интерпретирует его, придавая многим вещам особую культурную значимость.

В пространственном отношении самым близким предметом для человека является одежда. И в собственно номинации, и в символических свойствах семиотического кода, связанного с одеждой, ярко проявляется национально-культурный компонент, хотя сам человек, его тело в русской фразеологии, как и вообще в языке, безусловно, важнее всего того, что его окружает: *Была бы кость да тело, а платье сам делай.*

В русской фразеологии не вся одежда культурно отмечена, концептуально только видовое *одежда (платье)*, а также родовое *рубашка / сорочка, кафтан, шуба*, значительно реже *сарафан, камзол, армяк, жупан, тулуп, портки*. Эти артефакты (искусственно созданные вещи) обладают утилитарными и символическими свойствами (вещностью и знаковостью), т.е. потенциально могут быть использованы и как вещь, и как значение. В русской фразеологии